«Церковная иерархия как источник авторитета в Церкви». Доклад митрополита Волоколамского Илариона на консультации «Источники авторитета в Церкви» комиссии ВСЦ «Вера и церковное устройство» (Москва, 27 июня – 4 июля 2011 г.)

1.

Прежде чем говорить об Иерархии как источнике авторитета в Церкви следует немного остановиться на определениях.

Понятие *авторитет* восходит к латинскому слову *auctoritas*, которое означает *власть* или *влияние*, однако среди значений этого слова есть и такие как: *совет*, *мнение* и даже *пример****[1]***.

Слово *auctoritas* отличается от другого слова, обозначавшего власть – *potestas*. Первоначально в древнеримской политической практике *potestas* означало власть по должности, обладающую в соответствии с законом регламентированными полномочиями и принудительным характером, в то время как словом *auctoritas* обозначалась власть, восходящая к сакральному праву**[2]**.

В настоящее время под авторитетом в широком смысле понимают чье-либо общепризнанное и неформальное влияние, основанное на знаниях, нравственном достоинстве, опыте и других качествах**[3]**. Это влияние распространяется на самые разные сферы общественной и личной жизни. Оно складывается из двух частей: качеств и знаний самого носителя авторитета и общего признания тех, кто прибегает к его авторитетному мнению.

В более узком смысле авторитетом называют один из способов осуществления власти. Особенностью этого способа является его добровольный и ненасильственный характер. Авторитет основан на доверии, его власть не подразумевает принуждения, она не подчиняется

логике властного насилия. Авторитет всегда находится в уязвимом положении, поскольку он не может осуществлять свою власть без добровольного и непринужденного принятия ее со стороны тех, на кого эта власть направлена. Этим он отличается от господства.

В Евангелии мы находим описание власти, схожее с описанным выше понятием авторитета. Христос учит *«как власть имеющий»* (Мф. 7.29), и слово Его звучит *«со властью»* (Лк. 4.32), причем это – не формальная власть книжников и фарисеев, а власть побуждающая *«дивиться словам благодати, исходящим из уст Его»* (Ср. Лк.4.22). Однако даже сказанные *со властью* слова Христа принимаются далеко не всеми. Но для тех, кто верит Ему, Он становится Высшим авторитетом в жизни.

Спаситель противопоставляет свое служение власти князей века сего. Он говорит своим ученикам: *«Вы знаете, что князья народов господствуют над ними и вельможи властвуют ими, но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугой, и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих»* (Мф. 25-28). Власть вельмож и господство князей – это власть, связанная с принуждением и насилием. Ей противопоставляется совсем иная власть: власть любви и служения. Она не претендует на принуждение и требует свободного принятия. В этом же евангельском эпизоде Спаситель показывает, какой должна быть истинная *иерархия* служения. Более всех должен послужить тот, кто хочет быть выше.

В самом центре служения Самого Христа стоит Его свидетельство о Себе. Он есть *Хлеб Жизни* (Ин. 6.35), *Дверь* (Ин. 10.9), *Пастырь добрый* (Ин. 10.11), *Воскресение* (Ин. 11.25). Свидетельствуя о Себе, Спаситель свидетельствует об Истине, способной освободить верующих в Него от рабства греха и привести к Небесному Отцу. *«Я есмь Путь и Истина и Жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня»* (Ин. 14.6), – говорит Он, – *«Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете Истину, и Истина сделает вас свободными»* (Ин. 8.31-32).

Вера в Христа как Истину и Жизнь становится живым откликом на Его проповедь. Для уверовавших в Него Спаситель становится Высшим авторитетом. Он оказывает огромное влияние на них, побуждая их изменяться – стремиться к свету и отвергать тьму. Иерархия при этом становится главным принципом организации свидетельства об Истине.

2.

Служение Христа нашло свое продолжение в созданной Им Церкви. Ее главной задачей стало свидетельство о Воплощенной Истине. Церковь не просто возвестила о ней, но сама как Тело Христово стала *«столпом и утверждением Истины»* (Ср. 1 Тим. 3.15). Каждый член Церкви был призван к свидетельству о Христе.

Начаток Церкви – апостолы принесли миру свидетельство о том, как говорит Иоанн, *«что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, – ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам»* (1 Ин. 1.1-2). При содействии Духа Святого их проповедь разошлась по всей доступной в то время ойкумене. Другие верующие свидетельствовали о Христе как пророки, учителя, чудотворцы, получая для своего служения различные харизматические дары Святого Духа (1 Кор. 12.28-30).

Апостолы не только учили об Истине, но и приобщали к ней верующих в Таинстве Евхаристии, преподавая им Святые Тело и Кровь Христовы. Причащаясь Тела Христова, верующие становились единым Телом, выявляя тем самым Церковь Божию в каждом конкретном месте и свидетельствуя об Истине. С первых дней существования Церкви вокруг Евхаристической трапезы начали формироваться церковные институты. Церковь с самого начала была собранием верующих во Христе, организованным народом Божиим, знающим своих пастырей и начальников.

Протоиерей Николай Афанасьев так пишет об этом: *«Само наименование Церкви, которое мы*

*находим с первых времен ее существования, заключает в себе идею организованного народа, а не сборища [или] толпы, которая исключает из себя порядок и строй… Церковь есть «ekklhsia», потому что она есть собрание народа Божьего во Христе, а не случайное сборище или собрание случайно сошедшихся христиан»***[4]**.

В местах распространения проповеди апостолы основывали церковные общины и поставляли для них совершителей Евхаристии. Предстоятели евхаристических собраний были необходимым условием существования собрания. Как пишет Афанасьев: *«Ни одна церковь не могла существовать ни одного дня без предстоятеля»****[5]***.

В первые же годы существования Церкви апостолы стали рукополагать пресвитеров и епископов для управления местными Церквами, создававшимися в результате апостольской проповеди.

Во всем следуя Христу, водительствуемые Духом Святым, апостолы сформировали основы церковного строя, положили начало церковной иерархии.

3.

Церковная иерархия имеет совершенно особое значение для Церкви. Иерархическое служение на протяжении веков церковной истории обеспечивает тождество строя Церкви, преемственность благодатной жизни, неизменность веры. Иерархия бережно сохраняет, верно передает и авторитетно изъясняет хранимое в Церкви Божественное Откровение.

Источником универсального авторитета иерархического служения является его апостольское основание и преемство.

В православном понимании только та Церковь является истинной Церковью Христовой, в которой существует непрерывное преемство иерархии, восходящее к апостолам. Если такое преемство отсутствует или когда-либо прервалось, Церковь не может считаться истинной, иерархия легитимной, а Таинства действительными.

Об апостольском преемстве иерархии говорит Климент Римский, один из самых ранних писателей послеапостольского века:

*«Чин священнослужителей в Церкви установлен Христом: епископы и диаконы поставлены апостолами. Апостолы были посланы проповедовать Евангелие нам от Господа Иисуса Христа, Иисус Христос от Бога. Христос был послан от Бога, а апостолы от Христа; то и другое было в порядке по воле Божией. Итак, принявши повеление, апостолы... пошли благовествовать наступающее иарствие Божие. Проповедуя по различным странам и городам, они первениев из верующих, по духовном испытании, поставляли в епископы и диаконы для будущих верующих»***[6]**.

Именно с епископским служением в Церкви связана концепция апостольского преемства.
Во II веке эта концепция с предельной четкостью изложена Иринеем Лионским:

*«Все желающие видеть истину могут во всякой Церкви узнать предание апостолов, открытое во всем мире; и мы можем перечислить епископов поставленных апостолами в Церквах, и преемников их до нас... Они хотели, чтобы были совершенны и безукоризненны во всем те, кого оставляли своими преемниками и кому передавали свое место учительства, так как от их правильного действования должна происходить великая польза, а от падения их — величайшее несчастье»***[7]**.

Ириней видит в апостольском Предании гарантию преемственности не только церковного управления, но и чистоты вероучения.

*«В таком преемстве церковное Предание от апостолов и проповедь истины дошли до нас. И это служит самым полным доказательством, что одна и та же животворная вера сохранялась в Церкви апостолов доныне и предана в истинном виде»***[8]**.

Одним из главных аргументов, выдвигаемых Иринеем против гностиков, является отсутствие у них апостольского преемства. Это преемство, по учению Иринея, сохраняется как в Римской Церкви, так и в других Поместных Церквах, в частности Смирнской и Ефесской:

*«И Поликарп, который не только был наставлен апостолами и обращался со многими из видевших нашего Господа, но и апостолами был поставлен в епископа Смирнской Церкви в Азии, и которого и я видел в моей ранней молодости, — ибо он жил долго и в глубокой старости окончил эту жизнь славнейшим и благороднейшим мученичеством, — он всегда учил тому, что узнал от апостолов, что передает и иерковь и что одно только истинно. Об этом свидетельствуют все Церкви азийские, равно как и те, которые были преемниками Поликарпу до настоящего времени, — такой человек гораздо более достоверный и надежный свидетель истины, чем Валентин, Маркион и прочие еретики. Он, прибыв в Рим при Аниките, многих обратил от вышеназванных еретиков к Церкви Божией, возвешая, что он принял от апостолов одну только ту истину, которая передана Церковью... Также и Церковь Ефесская, основанная Павлом и имевшая среди себя Иоанна до самых времен Траяна, есть истинная свидетельница апостольского Предания»***[9]**.

Тертуллиан почти дословно воспроизводит учение Иринея об апостольском преемстве:

«Пусть (еретики) покажут начала своих церквей и объявят род своих епископов, который бы продолжался с таким преемством, чтобы первый их епископ имел своим предшественником кого-

*либо из апостолов или мужей апостольских, долго обращавшихся с апостолами. Ибо Церкви апостольские ведут свои списки (епископов) именно так: Смирнская, например, представляет Поликарпа, поставленного Иоанном, Римская — Климента, рукоположенного Петром; равно и прочие Церкви указывают тех мужей, которых как возведенных на епископство от самих апостолов имели они у себя отраслями апостольского семени»***[10]**.

Именно апостольское преемство иерархии по Иринею является гарантией авторитетного и неповрежденного сохранения истины в Церкви:

*«При таких доказательствах не должно искать у других истины, которую легко получить от Церкви, ибо апостолы, как богач в сокровищницу, вполне положили в нее все, что относится к истине, так что всякий желающий берет из нее питие жизни (см.: Откр 22, 17). Она именно есть дверь жизни, а все прочие (учители) суть воры и разбойники (Ин 10, 8). Посему должно избегать последних, но с величайшим тщанием избирать то, что относится к Церкви, и принимать Предание истины. Что же? Если бы возник спор о каком-нибудь важном вопросе, то не надлежало ль бы обратиться к древнейшим Церквам, в которых обращались апостолы, и от них получить достоверный и ясный (ответ) на вопрос? Что, если бы апостолы не оставили нам Писания? Не должно ли было следовать порядку Предания, преданного тем, кому они вверили Церкви?»***[11]**.

В апостольском преемстве иерархии нет ничего автоматического или магического: преемство рукоположений не является какой-то автономной линией, независимой от Церкви. Епископы и пресвитеры поставлялись апостолами *«с согласия всей Церкви»***[12]**, и это согласие было не менее значимым фактором, чем наличие законного рукоположения. Линия апостольского преемства действительна только внутри Церкви: вне Церкви она утрачивает свою действительность и значимость. Именно поэтому Церковь не признает наличие апостольского преемства в еретических сообществах, даже если формально прямое преемство рукоположений никогда не прерывалось.

Апостольское преемство передается от одного епископа к другому, и только епископы являются

преемниками апостолов: пресвитеры и диаконы таковыми не являются. В Церкви никогда не было линии преемства пресвитеров или диаконов. Епископ получает рукоположение по преемству от апостолов, а пресвитеры и диаконы поставляются епископами. Линия преемства епископов является единой и неразрывной, а рукоположения в сан пресвитера и диакона являются «разовыми» событиями: хиротония одного пресвитера или диакона никак не связана с хиротониями других пресвитеров и диаконов, она связана лишь с епископом, преемником апостолов, через которого благодать апостольства передается низшим клирикам.

Данное экклезиологическое понимание сложилось уже во II веке и в основе своей осталось неизменным до сего дня. Уже у Игнатия Богоносца церковное управление представлено в виде трехстепенной иерархии, включающей епископскую, пресвитерскую и диаконскую степени. По его словам, *«епископ председательствует на месте Бога, пресвитеры занимают место собора апостолов, а диаконам вверено служение Иисуса Христа»***[13]**. Игнатий подчеркивает необходимость единства пресвитеров со своим епископом: *«Пресвитерство так согласно с епископом, как струны в цитре»***[14]**. Народ Божий, по учению Игнатия, должен *«почитать диаконов как заповедь Иисуса Христа, а епископа — как Иисуса Христа, Сына Бога Отца, пресвитеров же — как собрание Божие, как сонм апостолов»***[15]**.

Именно в пресвитерах, а не в епископах Игнатий видит «собор», или «сонм апостолов». О епископе Игнатий говорит в единственном числе, тогда как о пресвитерах — во множественном. Это отражает сложившуюся к его времени практику, согласно которой епископ управлял местной Церковью при помощи пресвитериума, делегируя пресвитерам значительную часть своих полномочий. По сути, служение пресвитера включает в себя все аспекты служения епископа, за исключением одного — права рукоположения. Священство, таким образом, является апостольским служением в той мере, в какой функции священника совпадают с функциями епископа.

В древней Церкви, когда в каждом городе была лишь одна евхаристическая община, ее духовным центром был епископ как предстоятель евхаристического собрания, *«председательствующий на месте Бога»*. Однако по мере того как количество евхаристических общин умножалось, руководство ими передавалось пресвитерам; епископ сохранял за собой руководство главной церковной общиной города или области, за остальными же общинами наблюдал, пользуясь правом

ἐπισκοπή.

При такой системе центральное место в жизни прихода как евхаристической общины, возглавляемой пресвитером, де факто переходило к пресвитеру.

Ключевой ролью священника как фактического главы каждого прихода обусловлено то значение, которое отцы Церкви придавали священническому служению. В восточнохристианской святоотеческой литературе практически нет специальных трактатов, посвященных епископскому служению, зато есть несколько классических трактатов о священстве.

Первым восточнохристианским автором, написавшим специальный трактат о священстве, был Григорий Богослов: до него эта тема затрагивалась церковными писателями лишь эпизодически. Трактат Григория оказал прямое влияние на многие позднейшие сочинения на ту же тему, такие как «Шесть слов о священстве» Иоанна Златоуста (IV век), «Пастырское правило» Григория Двоеслова (VI век), слово «К пастырю» Иоанна Лествичника (VII век).

По учению Григория, необходимость священства вырастает из иерархической структуры Церкви, которая есть Тело, объединенное под Главой Христом. Эта идея, восходящая к апостолу Павлу, вдохновляет Григория на рассуждение о порядке (τάξις) как основе всего бытия Церкви, где, как в армии, есть начальник и подчиненные, как в стаде — пастырь и пасомые, как в школе — учитель и ученики, как на корабле — капитан и матросы. Иерархический строй спасает Церковь от безначалия-анархии; наличие священства и епископства обеспечивает единство Церкви как организма, в котором каждый член выполняет свою функцию**[16]**.

Священство — это прежде всего пастырство, забота об овцах, руководство стадом: Григорий пользуется образом, традиционным для библейского богословия. В Ветхом Завете Бог представлен как верховный Пастырь, а народ — как Его стадо (см.: Пс 22, 1; 79, 2; Ис 40, 11; Иер 31, 10). В Новом Завете Христос говорит о Себе как о «Пастыре Добром» (см.: Ин 10, 11-16), для

Которого дорога каждая из овец: Он выходит на поиски заблудшей овцы и, найдя ее, несет на Своих плечах (см.: Лк 15, 4-7). Оставляя землю, Он вверяет Своих овец Петру (см.: Ин 21,15-17), а в его лице — прочим апостолам и всем будущим Поколениям христианских пастырей.

Целью служения священника по Григорию Богослову является обожение вверенных ему членов Церкви: священник призван *«сделать того, кто принадлежит к высшему чину, богом и достойным высшего блаженства»***[17]**. Священник, по учению Григория, есть посредник между Богом и людьми**[18]**. Главным делом священника является *«раздаяние слова»* — проповедь, учительство, богословствование**[19]**. Другим не менее важным делом священника, помимо проповеди и учительства, является собственно служение алтарю, молитва за народ, совершение Евхаристии. Именно в этом служении наивысшим образом проявляется роль священника как посредника между Богом и людьми**[20]**.

Если о епископстве и священстве во времена древней Церкви и в эпоху Вселенских Соборов было написано достаточно много, то о третьей степени священства — диаконском чине — говорилось, как правило, лишь вскользь. Нет ни одного святоотеческого трактата, посвященного осмыслению диаконского служения. Между тем возможно, что диаконский чин — древнейший в христианской церкви после апостольского. Книга Деяний повествует об избрании и рукоположении семи мужей, которым было поручено заботиться о *ежедневном раздаянии потребностей и пещись о столах* (Деян 6, 1-2). Служение семи было задумано как попечение о хозяйственных нуждах общины, о бытовых аспектах церковной жизни. Это служение включало и элемент благотворительности, в частности заботу о вдовах.

Какова бы ни была связь между служением «семи» и последующим диаконским служением, очевидно, что уже во времена Игнатия Богоносца и Иустина Философа диаконат существовал как отдельное служение, имевшее определенные литургические функции. В частности, диаконы за евхаристическим богослужением преподавали верным причастие, а также разносили причастие отсутствующим**[21]**. Все дошедшие до нас древние литургические чины включают в себя возгласы диакона. На евхаристическом богослужении диаконы служили связующим звеном между предстоятелем и народом: именно они призывали народ к молитве, в их уста вкладывались прошения о церковных и светских властях, о стране и городе, об избавлении от стихийных

бедствий, о недугующих, путешествующих и т.д.

4.

Учение о трехстепенной церковной иерархии, которое мы находим уже у Игнатия Богоносца, является неотъемлемой составной частью церковного Предания.

В V веке это учение получило богословское осмысление в трудах, надписанных именем Дионисия Ареопагита.

Так, в трактате «О небесной иерархии», мы встречаем такое определение: *«Иерархия… есть священный чин, знание и деятельность, по возможности, уподобляющаяся Божественной красоте, и при озарении, сообщаемом ей свыше, направляющаяся к возможному Богоподражанию… Цель Иерархии есть возможное уподобление Богу и соединение с Ним»***[22]**.

Основной принцип действия иерархии по Ареопагиту заключается в том, чтобы высшие чины *« исполняясь священным сиянием, им сообщаемым, сами… сообразно с Божественным установлением, обильно сообщают оное низшим себя»* (О небесной иерархии, III, 1-2). Таким образом, мы видим, что истинная иерархия представляет собой *иерархию служения*, основной целью которой становится уподобление всех ее членов Богу и соединение с Ним. Недаром ангелы, составляющие небесную иерархию, традиционно называются в христианском богословии *служебными духами*.

В церковной иерархии Дионисий видит продолжение девятичинной ангельской иерархии и тоже делит ее на девять чинов. Из них первые три составляют Таинства просвещения (крещения),

собрания (Евхаристии) и священного мира (миропомазания). Вторая триада — это три священные степени — епископ, священник, диакон. Третья триада составляет чин «возводимых к совершенству», в который включены ферапевты (монахи), священный народ (миряне) и оглашенные.

Трехстепенная иерархия Дионисия действительно весьма произвольно, однако это построение необходимо Дионисию для иллюстрации его основной идеи — иерархичности церковного устройства, соответствующей иерархическому устройству духовного мира.

Дионисия интересует прежде всего внутреннее содержание иерархической структуры Церкви. Всему церковному строю он придает возвышенное, символическое, умозрительное значение. В церковном священноначалии Ареопагит видит Божественное установление, целью которого является приведение людей к обожению:

*«...Наше священноначалие есть дело от Бога исходящего, и Божественного, и боготворного ведения, и силы, и совершения... Сам Иисус … блаженные и лучшие нас существа озаряет светлее и духовнее и по мере сил каждого уподобляет их собственному свету, а что касается нас, то устремленной к Нему и влекущей нас к добру любовью Он сближает многочисленные различия, существующие между нами, и, возводя нас к единовидной и божественной жизни, порядку и образу действий, дарует свяшеннолепную силу божественного священства. Через нее-то, вступая в святое дело свяшеннослужения, мы и сами становимся ближе к высшим нас сущностям... и, таким образом воззрев к блаженному и богоначальному свету Иисусову и, насколько возможно видеть, священно узрев и просветившись ведением тайн, мы можем соделаться посвященными в таинственное ведение и посвятителями, световидными и освятителями, совершенными и совершителями... Высшие нас сущности и чины... бестелесны, и священноначалие у них мысленное и премирное. А наше священноначалие мы видим преисполненным, подобно нам самим, разнообразия чувственных символов, при помощи которых мы в свойственной нам мере свяшеннонача льственно возводимся к единообразному обожению, к Богу и божественной добродетели»***[23]**.

Дионисий видит средоточие всех степеней священства в степени епископа, которого он называет «иерархом». Степень иерарха, по словам Ареопагита, «есть первая в ряду других богозрительных степеней, а вместе она есть самая высшая и последняя, потому что в ней заключается совершенство и полнота всего состава священноначалия». Подобно тому как всякое вообще священноначалие сосредоточено в Иисусе, церковная иерархия «сосредотачивается в своем богопросвещенном иерархе». Хотя и иереи совершают некоторые священнодействия, однако *«иерей никогда не совершит ни священного богорождения без божественнейшего мира, ни Тайн божественного общения, не возложив символов литургийных на божественнейший жертвенник, ни, наконец, сам не будет иереем, если не будет введен в это через иерархические тайнодействия»*. Таким образом, только степень иерарха *«есть степень, преисполненная силы совершительной, одна только исключительно совершающая посвящения иерархические, просветительно наставляющая в ведении святыми и руководящая к сообразным с нею и священным свойствам и действиям»***[24]**.

Что касается *«световодственной степени иереев»*, то она, по словам Дионисия, *«руководит крещаемых к божественным воззрениям на Таинства, в подчинении степени богопросвещенных иерархов и вместе с нею священносовершающая усвоенные себе священнодействия, в чем, собственно, и заключается круг ее действий как степени, которая в святейших символах открывает дела Божий и делает присутствующих созерцателями и причастниками Святых Тайн»***[25]**.

Относительно диаконского чина, который Ареопагит называет *«степенью священнослужителей»*, утверждается, что она есть *«степень очистительная: различая недостойных прежде допущения к священнодействиям иереев, она очищает приступающих, удаляя от смешения с чем бы то ни было противным Таинству и таким образом делая их достойными присутствия при совершении Тайн и приобщения».* Диаконы снимают одежду с крещаемого перед началом Таинства крещения, стоят при дверях во время совершения Евхаристии, выполняют другие служебные функции**[26]**.

Началом и источником всякой иерархии Дионисий считает Святую Троицу, от Которой проистекает жизнь и все блага жизни:

*«Она-то превыше всего, богоначальнейше блаженная, едина истинносущая Троица Единица непостижимо для нас, но ведомо для Себя, хочет разумного спасения нашего и высших нас сушеств. Но оно (спасение) не иначе может быть совершено, как через обожение спасаемых. Обожение же есть уподобление по мере возможности Богу и единение с Ним. Обшая цель всего священноначалия есть постоянная любовь к Богу и вещам божественным, при помощи Божией единовидно во всех нас священнодействуемая, а еще прежде этого совершенное и невозвратное удаление от зла, познание сущего, каким образом оно существует, исследование и ведение священной истины, боговспомоществуемое причастие единообразного совершенства по мере сил каждого, наслаждение созерцанием, которое мысленно питает и обоживает всякого, кто стремится к нему»***[27]**.

Бесспорной заслугой Дионисия Ареопагита является то, что традиционное представление о трехстепенной иерархии Дионисий вписал в контекст святоотеческого учения об обожении. Идеей обожения пронизана вся его экклезиология. Богослужение, Таинства, иерархия, весь церковный строй в представлении Дионисия служат одной цели — возводить к вершинам освящения и обожения. Жизнь Церкви воспринимается как «тайноводство» — введение в тайны духовного опыта, восхождение к «блаженному и богоначальному свету Иисусову», к высшим степеням богопознания и богосозерцания.

5.

Итак, важнейшей целью церковной иерархии является христоподражательное служение Богу и народу Божьему. Этим она отличается от любой другой земной иерархии, преследующей цели и задачи мира сего. И именно поэтому она является Высшим авторитетом.

Часто говорят, что главной характеристикой нынешнего времени является растерянность. Говорят также о нежелании следовать хоть каким-то авторитетам. Я нахожу, что между этими двумя явлениями существует прямая связь. Отвергнув церковную иерархию и погнавшись за ложными авторитетами, многие люди, в конце концов, разочаровались и в них. Потому что ложные

авторитеты увели людей от Источника Жизни – Бога – нежели приблизили их к нему.

Утрата авторитета привела к печальным последствиям, ибо вместе с ней было потеряно уважение к старшинству, доверие опыту, была осмеяна мудрость.

Одна из задач православного христианского свидетельства заключается в том, чтобы вернуть людям веру в авторитет. Разумеется, такое возвращение возможно только через обращение к Высшему авторитету, Высшей Истине — Христу, через обращение к истинной хранительнице Истины — Церкви. И все мы должны способствовать этому своим жертвенным служением свидетельства.

---

[1] Auctoritas // Большой латино-русский словарь (по материалам словаря И.Х. Дворецкого) / http://www.linguaeterna.com/vocabula/show.php?n=4871

[2] Авторитет // Православная Энциклопедия / http://www.pravenc.ru/text/81016.html

[3] Авторитет // БСЭ / http://soviet-encycl.ru/?article=0000066400

[4] *Афанасьев Николай, прот.* Церковь Духа Святого. V.2.1

[5] Там же. V.1.1

[6] *Климент Римский,* 1-е Послание к Коринфянам 42.

[7] *Ириней Лионский*. Против ересей 3, 3, 1

[8] Там же. 3, 3, 3.

[9] Там же. 3, 3, 4.

[10] *Тертуллиан.* О предписании против еретиков 23.

[11] *Ириней Лионский.* Против ересей 3, 4, 1.

[12] *Климент Римский.* 1-е Послание к Коринфянам 44.

[13] *Игнатий Богоносец.* Послание к Магнезийцам 6.

[14] *Его же.* Послание к Ефесянам 4.

[15] *Его же.* Послание к Траллийцам 3.

[16] *Григорий Богослов*. Слово 2, 3, 3-5, 8. SC 247, 88-92.

[17] Там же. 2, 21, 1-22, 15. SC 247, 116-120.

[18] Там же. 2, 91, 17-19. SC 247, 208.

[19] Там же. 2, 35, 1. SC 247, 132.

[20] Там же. 2, 92, 3-19. SC 247, 208-214.

[21] См.: *Иустин Философ*. 1-я Апология 65.

[22] *Дионисий Ареопагит*, О небесной иерархии, III, 1-2 .

[23] Его же. О церковной иерархии 1,1-2.

[24] Там же. 5, 5.

[25] Там же.

[26] Там же.

[27] Там же. 5, 6.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/55458/